

В. П. ОВОДЕНКО

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ В ОЦЕНКЕ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Творчество и личность Генриха Гейне постоянно вызывали живой интерес и пристальное внимание русской революционно-демократической критики. Произведения Гейне, отличающиеся многообразием содержания и художественной формы, получили в ней глубоко справедливую, исторически объективную оценку.

С самого начала появления в русской печати переводов Гейне (20—30-е годы XIX века) завязалась борьба между передовой и реакционной критикой за правильное истолкование его творчества. Но особенной остроты эта борьба достигает в 50—60-е годы, в пору нового общественного подъема в России и резкого размежевания лагеря революционных демократов, с одной стороны, и лагеря реакционеров-крепостников и смыкавшихся с ними либералов — с другой. В противоположность как злостным нападкам на Гейне и искажению его творческого облика в реакционном лагере, так и тенденциозному восхвалению одной лишь его интимной лирики в кругах умеренных либералов и эстетов, выдающиеся представители русского революционно-демократического лагеря — Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Салтыков-Щедрин — равно подчеркивали и идейную силу его сатир, и эмоциональную действенность его лирических стихов.

Гейне был дорог им также как неутомимый борец за демократические идеалы. «Энтузиастом свободы» назвал его Белинский, одним из «серьезнейших и благороднейших поэтов нашего времени» — Чернышевский ¹⁾; для него Гейне — не только материалист в духе Фейербаха, но и борец за социалистическое переустройство общества. Добролюбов видел главную заслугу Гейне в том, что он пробуждал «от сна задремавшие силы народа». ²⁾ Писарев, предупреждавший об опасности «развинтить

¹⁾ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2., М., 1949, стр. 272.

²⁾ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в 6-ти томах. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. М.-Л., Гослитиздат, 1934—1941. Т. I, стр. 213. В дальнейшем все ссылки на работы Н. А. Добролюбова даются в тексте по этому изданию с указанием только томов (римскими цифрами) и страниц (арабскими). В отдельных случаях, в сносках, издание кратко обозначается: Соч.

Гейне на части», то есть отделить Гейне-лирика от Гейне — политического сатирика, подчеркивал единство творчества Гейне в его демократической направленности: «...Все двадцать томов сочинений Гейне составляют одно неразрывное целое». ³⁾ Для Салтыкова-Щедрина Гейне—«сочувственнейший из всех писателей». ⁴⁾

Русские революционные демократы, критикуя противоречия в творчестве Гейне, как поэта и мыслителя, использовали вместе с тем сильнейшие его стороны в своей борьбе против самодержавия и крепостничества, а также за утверждение основных принципов передовой эстетики — реализма, народности и общественного служения литературы.

Светское литературоведение, подходя к оценке творчества Генриха Гейне, как и всего художественного наследия зарубежных стран, с подлинно научных, диалектико-материалистических позиций, опирается на плодотворные традиции русской революционно-демократической критики 40—60-х годов прошлого столетия.

В работах советских литературоведов и критиков с достаточной полнотой освещена история переводов Гейне на русский язык, а также история цензурных гонений, которым подвергались его произведения в царской России.

Проблема оценки Гейне русскими революционными демократами также затронута в ряде диссертационных работ, ⁵⁾ в последних учебниках по зарубежной литературе XIX века и в популярных критико-биографических очерках о Гейне. Эта же проблема служит предметом рассмотрения и в специальной содержательной статье М. Л. Тронской. ⁶⁾ Значительное место в этом исследовании занимает анализ отзывов Н. А. Добролюбова о Гейне. Однако поскольку оценки Добролюбова рассматриваются здесь лишь как составная часть отзывов революционных демократов, то, естественно, они не могли получить в этой работе достаточно широкого освещения. Кроме того, высказывания Добролюбова анализируются весьма бессистемно, почти не уделено внимания переводам его из Гейне, слабо раскрыто многообразие форм проявления и эволюция интереса критика к Гейне. Отнюдь не претендуя на исчерпывающую полноту раскры-

³⁾ Писарев Д. И. Соч. в 4-х томах, т. 3. М., Гослитиздат, 1956, стр. 101.

⁴⁾ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. 18, М., 1937, стр. 146.

⁵⁾ См. Лейтес Н. С. Белинский о немецкой литературе XIX века. Запорожье, 1952; Верховская М. М. Н. Г. Чернышевский о немецкой литературе. Пермь, 1950 и др.

⁶⁾ Тронская М. Л. Гейне в оценке революционно-демократической критики. «Ученые записки» Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, № 158. Серия филологич. наук, вып. 17. Русские революционные демократы. 1952, стр. 377—411.

тия темы, мы в этой статье ставим своей задачей взять на учет, систематизировать и критически проанализировать многочисленные высказывания Добролюбова о Гейне и неоднократные обращения критика к его имени и произведениям.

У Добролюбова нет специальных монографических исследований о поэзии Гейне, как, кстати, и о творчестве других западноевропейских классиков, — исследований, типа работы Чернышевского о Лессинге. Тем не менее, отзывы Добролюбова о Гейне, занимающие весьма значительное место в его литературно-критическом наследии, являются драгоценнейшим вкладом в русское литературоведение и русскую революционную мысль.

Та часть наследия Добролюбова, которая в той или иной мере касается творчества Гейне, довольно обширна. Она складывается из опубликованных в «Современнике» (№ 11 за 1857 г. и №№ 2 и 5 за 1858 г.) трех небольших по объему рецензий на русские переводы стихов поэта, сделанные И. Генслером-Семеновым (две статьи) и М. Л. Михайловым, а также из многочисленных отдельных высказываний, рассеянных в разных статьях, рецензиях, письмах и дневниках, из переводов стихов Гейне. Критик неоднократно цитирует Гейне, ссылается на него, находит у поэта подтверждение некоторых своих мыслей, привлекает его как единомышленника и союзника в борьбе против своих идейных врагов. Небезынтересны некоторые статистические данные: Добролюбов обращается к имени Гейне в разных аспектах около тридцати раз; по числу упоминаний в трудах критика Гейне стоит на первом месте в ряду зарубежных авторов ⁷⁾ (в этом отношении с ним могут сравниться разве только Байрон и Шекспир). Добролюбов относил Генриха Гейне к числу крупнейших мировых классиков. Он был восторженным почитателем таланта Гейне и страстным пропагандистом его поэзии.

Время наиболее интенсивного интереса Добролюбова к Гейне—это начало 1856 и вся первая половина 1857 года, когда критик учился на последнем курсе Главного педагогического института в Петербурге и начал сотрудничать в «Современнике». По-видимому, толчком к этому послужила недавняя смерть поэта (в феврале 1856 года). Но подлинная причина повышенного внимания Добролюбова, как и всего революционно-демократического лагеря, к Гейне и другим явлениям прогрессивной зарубежной литературы закономерно связана с ростом общественного сознания во второй половине 50-х — начале 60-х годов, обострением классовых противоречий и усилением борьбы против самодержавно-крепостнического строя.

Именно в эти годы переводы из Гейне приобретают массовый характер. Причем, если прежде (в 40-х и в первой половине 50-х годов) преобладала ориентация на любовную лирику, то в этот период возникает особый интерес к сатирико-обличительным

⁷⁾ См. Указатель личных имен и названий журналов, помещенный во 2, 5 и 6 томах Соч. Н. А. Добролюбова.

стихотворениям Гейне и революционной публицистике — ко всему тому, что поддается тенденциозному осмыслению, что звучит наиболее актуально в условиях русской действительности.

Гейне в большей мере, чем кто-либо другой из иностранных писателей, становится явлением русской литературы и общественной жизни. «Гейне получил в нашей литературе полное право гражданства, можно сказать, натурализовался у нас», — писал либеральный журнал «Светоч». ⁸⁾ Растущую популярность произведений Гейне вынуждены были признать и реакционные журналы. «Скажите, — недоуменно и жалобно сетовал критик «Москвитянина», — ожидал ли себе когда-нибудь бедный студент Гейне подобной овации за тридевять земель от своей туманной родины?». ⁹⁾ Анонимный критик «Библиотеки для чтения» в рецензии на «Песни Гейне» в переводе М. Л. Михайлова с явным раздражением отмечал: «Каждый почти, мало-мальски владевший стихом, уже непременно имел в своем портфеле несколько произведений с надписью: *Из Гейне*. ¹⁰⁾ А через несколько лет в том же журнале раздается жалоба: «Переводить Гейне сделалось каким-то повальным недугом». ¹¹⁾

В отличие от этого явного или скрытого неодобрения реакционной критикой широкого распространения произведений Гейне на русской почве, революционно-демократический лагерь горячо приветствует появление в печати новых стихов поэта. Выход в свет почти каждого сборника переводов сопровождается многочисленными рецензиями; наряду с этим появляется ряд статей, специально посвященных Гейне. Значительное место уделяется ему также в общих обзорах немецкой литературы.

Это «всеобщее увлечение» творчеством Генриха Гейне, столь различно воспринимаемого в разных кругах русского общества, переживает и Добролюбов. Первое подробное указание на его заинтересованность произведениями немецкого поэта мы находим на страницах его дневника, в записи от 30 января 1857 года. Эта запись, фиксирующая, по-видимому, начальный этап увлечения Генрихом Гейне, чрезвычайно интересна потому, что сразу же определяет характер заинтересованности Добролюбова, причину его «восхищения» лирикой Гейне.

«Несколько дней уже, — пишет Добролюбов, — я ношусь с Гейне и все восхищаюсь им. Ни один поэт еще никогда не производил на меня такого полного, глубокого, сердечного впечатления. Лермонтова, Кольцова и Некрасова читал я с сочувствием; но это было, во-первых, скорее *согласие*, нежели сочувствие,

⁸⁾ Рецензия на «Песни и думы из Гейне, перев. А. Мантейфеля», 1860. «Светоч», 1860, № 5. Крит. обзор., стр. 66.

⁹⁾ Рецензия на «Стихотворения А. Фета». «Москвитянин», 1850, т. II, № 8. Крит. и библиогр., стр. 38.

¹⁰⁾ «Библиотека для чтения», 1858, № 7. Лит. летопись, стр. 11.

¹¹⁾ Рецензия на «Северное море», стих. Г. Гейне, перев. Сомова. «Библиотека для чтения», 1863, № 1, Библиогр., стр. 459.

и, во-вторых, там возбуждались все отрицательные... чувства, желчь разливалась, кровь кипела враждой и злобой, сердце поворачивалось от негодования и тоскливого, бессильного бешенства: таково было общее впечатление. Гейне не то: чтение его как-то расширяет мир души, его песнь отдается в сердце сладкой, тихой, задумчивой тоской... У Гейне есть и... страшные, иронически-отчаянные, насмешливо-безотрадные пьесы... Но теперь не эти пьесы особенно поразили меня. Теперь с особенным мучительным наслаждением читал и перечитывал я «Интермеццо» (VI, 471—472).¹²⁾

В другой дневниковой записи—от 12 февраля того же года—Добролюбов вновь засвидетельствовал свое страстное увлечение поэзией Гейне. Несмотря на исключительную занятость (Добролюбов перечисляет здесь ряд неотложных работ, которые ему предстоит выполнить), интерес к Гейне не ослабевал. Он пишет о нем как о поэте, от которого не в силах «оторваться» (VI, 485).

Замечательно, что уже эти первые отзывы лишены малейшей тени объективизма и эстетского любования, хотя речь идет в них о преимущественном интересе критика к интимной лирике поэта, казалось бы столь далекой от общественных проблем. Отмечая общую светлую, оптимистическую настроенность поэзии Гейне (она «отдается в сердце сладкой, тихой, задумчивой тоской») и большую силу ее эмоционального воздействия (чтение ее «расширяет мир души»), Добролюбов делает этические выводы для себя. Весь находясь во власти радостного предчувствия еще не осознанного полностью великого дела, которому он готовит себя посвятить, критик пишет: «Верно, и мне пришла серьезно пора жизни—полной, живой, с любовью и отчаянием, со всеми ее радостями и горестями. Сердце мое бьется особенно сильно при мысли об этом; я чего-то жду страстно и пламенно...» (VI, 472).

Интимная лирика Гейне с характерными для нее мотивами душевной тревоги и тоски по лучшему миру была созвучна настроениям молодого Добролюбова. Смысл и причину этих настроений он сам объяснил в письме к Шемановскому от 12 сентября 1858 года: «...мертвенная апатия русского крепостного народа ...легла... на нас всех». ¹³⁾ Именно это определило и выбор для переводов тех лирических стихов Гейне, над которыми Добролюбов работал: все 24 переведенных им стихотворения взяты из «Книги песен» (семнадцать—из цикла «Возвращение на родину», 4—из «Лирического интермеццо», остальные—из других циклов). Переводы были сделаны в весьма короткий период, к которому относятся и восторженные записи в дневнике (два—в фев-

¹²⁾ Наименование цикла («Интермеццо») в дневниковой записи Добролюбова приводится на немецком языке. Ввиду технических причин (отсутствия латинского шрифта) наименования и цитаты на немецком языке здесь и далее в статье даются в русском переводе.

¹³⁾ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах <Н. Г. Чернышевским>», т. I. М., 1890, стр. 463.

рале 1856 г., двадцать — с января по апрель 1857 г. и затем еще два — в начале июня). Поскольку некоторые из указанных стихотворений появились впервые на русском языке именно в добролюбовском переводе, то надо полагать, что стихи Гейне хорошо известны критику в оригинале. По-видимому, переводы были сделаны им по гамбургскому изданию «Избранных произведений» (1854 г.), хотя вплоть до начала 60-х годов свободное обращение его было под запретом.

Переводы Добролюбова из Гейне, так же как и его оригинальные стихи, вероятно, не предназначались к опубликованию; во всяком случае, они появились в печати посмертно: ¹⁴⁾ в 1862 году Чернышевский знакомит читателей с этими переводами, публикуя 20 стихотворений в журнале «Современник», ¹⁵⁾ а затем включая их в первое издание сочинений критика, вышедшее под его редакцией. ¹⁶⁾

С сожалением приходится отметить, что ни одно из советских изданий сочинений Г. Гейне не воспроизводит добролюбовские переводы. Мы далеки от мысли о совершенстве этих переводов; отдельные из них даже очень слабы как с точки зрения передачи содержания, так и в смысле стихотворной техники. Но некоторые переводы не только не уступают современным, включаемым в собрания сочинений Гейне, а превосходят их по идейно-художественным достоинствам и более точно передают мысль и «эмоциональную настроенность» оригинала. Достаточно сравнить, для примера, добролюбовский перевод стихотворения «Я горестный Атлант» (цикл «Возвращение на родину», 24) с переводом А. Блока, сопоставив их одновременно с текстом оригинала. ¹⁷⁾

¹⁴⁾ Только два из них («На белую грудь твою, друг мой» и «От нас выступают гусары») напечатаны при жизни Добролюбова — в тексте его же рецензии на «Песни Беранже» в перев. Вас. Курочкина (См. Добролюбов Н. А. Соч., т. 1, стр. 469); затем и они — с некоторыми разночтениями (в других вариантах) — были опубликованы Чернышевским в «Современнике» (1862. № 1).

¹⁵⁾ Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова. Песни Гейне. «Современник», 1862. № 1, стр. 341—347.

¹⁶⁾ Песни Гейне (стихотворные переводы Н. А. Добролюбова 1856—1857). Сочинения Н. А. Добролюбова. В 5-ти т. (Под ред. Н. Г. Чернышевского). Т. 4. Спб., 1862. стр. 612—618.

¹⁷⁾ Текст оригинала см. по изданию: Генрих Гейне. Собр. соч. В 6-ти томах, т. 1. Изд-во «Ауфбау». Берлин, 1951, стр. 195—196 (на немецком языке); по указанной выше причине процитировать его не представляется возможным; перевод Н. А. Добролюбова приводится по Соч., т. 6, стр. 274; перевод А. А. Блока — по «Собранию сочинений» Генриха Гейне в 10-ти томах, т. 1, М., Гослитиздат, 1956, стр. 96.

Перевод Н. А. Добролюбова

Я горестный Атлант,
я должен мир носить.
Тот мир — тяжелый мир
скорбей невыносимых.
Под тяжестью его
нет сил мне больше жить.
Мне сердце рвет в груди
от мук невыразимых.
Ты, сердце гордое,
само хотело ты
Иль в счастье быть,
но в беспредельном счастье,
Иль в горе беспредельном, —
вот мечты
Твои исполнились:
дано тебе несчастье.

Перевод А. А. Блока

Я Атлас злополучный!
Целый мир.
Весь мир страданий
на плечи подымяю.
Подымяю непосильное,
и сердце
В груди готово
разорваться.
Ты сердцем гордым
сам того желал!
Желал блаженств,
блаженств безмерных сердцу
Иль непомерных
гордому скорбей.
Так вот:
теперь ты скорбен.

Перевод Добролюбова, если и не столь технически совершен, как перевод Блока, с большей силой, на наш взгляд, передает весь трагизм поэта, взвалившего на себя, словно Атлант, непосильное бремя — мировую скорбь, страдающего от «мук невыразимых».

Сравним два перевода другого стихотворения — «От нас выступают гусары» (цикл «Возвращение на родину», 74).¹⁸⁾

Перевод Н. А. Добролюбова

От нас выступают гусары,
Я слышу их музыки звук.
И с розовым пышным букетом
К тебе прихожу я, мой друг.
Тут дикое было хозяйство. —
Толпа и погром боевой...
И даже, мой друг, в твоём
сердце
Большой был военный постой.

Перевод В. Левика

Трубят голубые гусары.
Прощаются с нами трубя.
И вот я пришел, дорогая,
И розы принес для тебя.
Беда с военным народом, —
Устроили нам кутерьму!
Ты даже свое
сердечко
Сдала на постой кой-кому.

Гейневская ирония, заключенная, как правило, в его эффектных и неожиданных концовках, сильнее выражена в переводе Добролюбова; очень слабо она ощущается в переводе В. Левика (ее уничтожает, собственно, сентиментально-слащавое «сердечко»). А ведь ирония здесь несомненна. Ее подчеркнул и сам Добролюбов: в статье-рецензии на «Песни Беранже», приведя это стихотворение в собственном переводе и сравнивая его с аналогичными по выраженным в них мотивам песнями французского поэта, критик подчеркивает специфическую особенность стиля Гейне — грусть, «которая так неразлучна с иронией» (1, 469).

¹⁸⁾ Текст оригинала см. по указанному ранее немецкому изданию, т. 1, стр. 219; перевод Н. А. Добролюбова — по Соч., т. 6, стр. 274; перевод В. Левика — по «Собранию сочинений» Генриха Гейне в 10-ти томах, т. 1, М., Гослитиздат, 1956, стр. 118.

Эта сложность и противоречивость чувствований поэта — переплетение душевного страдания с иронически-стоическим сознанием необходимости обуздывать свои чувства, если тебя постигают неудачи в любви, хорошо переданы в добролюбовском переводе, который, таким образом, более адекватен оригиналу.

Приведенные сопоставления показывают, что отдельные переводы Добролюбова, глубоко проникающие в сущность поэзии Гейне, вполне имеют права гражданства и, несомненно, заслуживают включения их в современные издания сочинений немецкого поэта.

Увлечение Генрихом Гейне проявилось не только в переводах, но, как уже отмечалось в литературе,¹⁹⁾ и в том влиянии, какое оказал он (наряду с определяющим влиянием Н. А. Некрасова) на собственную лирику Добролюбова. Явно под влиянием Гейне написаны стихотворения «Соловей», «Очарование», «Сила слова», «Многие, друг мой, любили тебя» и др. Это сказывается и в чисто «гейневских» неожиданных поворотах мысли, и в характерных концовках, и в особом грустно-ироническом тоне этих стихотворений. Все они относятся к тому недолгому периоду — с января по апрель 1957 года, — когда Добролюбов был сильно увлечен Гейне.

Переводы из Гейне, как и вся лирика Добролюбова, глубоко искренняя и эмоциональная, раскрывают перед нами новые грани его богатого идейно-психологического облика, еще недостаточно освещенные в биографической литературе о нем. Многие современники Добролюбова, вероятно, с удивлением узнали после его смерти, что суровый критик лирических поэтов был автором и переводчиком глубоко интимных лирических стихотворений, писавшихся для себя, без всякой мысли о печати.

Переводы из Гейне, составляющие органическую часть художественно-поэтического наследия Добролюбова, ценны для нас своей непосредственной связью с жизнью и личностью критика, с его интимными мыслями, надеждами и страданиями, — а через это они приобретают, помимо биографического и психологического значения, и значение поэтической исповеди революционного разночинца, изнутри раскрывающей его человеческий облик и путь его душевного развития.²⁰⁾

Из всего сказанного совершенно очевидно, что Гейне первоначально был интересен Добролюбову по преимуществу как ли-

19) См. Бухштаб Б. Я. Добролюбов — поэт. Вступ. статья к 6-му тому Соч. Добролюбова, стр. XIV—XV; Кирпотин В. Добролюбов — поэт. — В кн.: Добролюбов Н. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1939, стр. III—XXXIX; Лаврецкий А. Добролюбов — поэт и сатирик. — «Литературное обозрение», 1940, № 19, стр. 33—37; Ямпольский И. Г. Шестой том Добролюбова. — «Литературный критик», 1940, № 11—12, стр. 266—271 и др.

20) См. Бухштаб Б. Я. Добролюбов — поэт. Вступ. статья к 6-му тому Соч. Добролюбова, стр. XV,

рик. Однако уже и тогда критик был далек от сужения диапазона творчества Гейне; общественно-политические мотивы его поэзии были Добролюбову хорошо известны. Об этом говорит цитированная уже дневниковая запись от 30 января 1857 года, в которой засвидетельствовано знакомство критика и с «страшными, иронически-отчаянными, насмешливо-безотрадными пьесами» немецкого поэта. В другой, близкой по времени дневниковой записи—от 10 февраля того же года, вспоминая свои беседы с И. И. Срезневским, Добролюбов упрекает последнего в том, что, чувствуя силу поэзии Гейне, он, однако, мало понимает его «язвительную насмешку..., брошенную в минуты самого страстного увлечения» (VI, 483).

Более развернутые суждения об этой стороне творчества Гейне мы находим в статье Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы» и в его рецензии на «Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова».

Со времени первой дневниковой записи и первых опытов стихотворных переводов из Гейне (январь—февраль 1857 г.) до опубликования в «Современнике» этих двух работ (соответственно — февраль и май 1858 г.) прошло немногим более года, но, несмотря на столь сравнительно короткий срок, мы можем говорить о возросшей зрелости оценок Гейне Добролюбовым, а также о наметившейся эволюции его интереса к поэту. Добролюбова все более властно увлекает общественно-политическая сторона творчества Гейне, сатирико-обличительная часть его литературного наследия — та именно часть, которая могла быть использована критиками-демократами в их революционной пропаганде, в их борьбе против самодержавия и крепостничества, за передовую эстетику.

Так, в рецензии на переводы Михайлова, представляющей наибольший интерес в смысле полноты и глубины отзывов о немецком поэте, Добролюбов с присущей ему резкостью и прямо-той критикует отбор переводчиками одной лишь любовной лирики Гейне, довольно распространенное среди некоторых из них эстетское переосмысление гейневских стихов в духе слезливой сентиментальности и превращение его песен в банальнейшие излияния. «Какие пьесы выбирались у нас в прежнее время для перевода! — пишет Добролюбов. —...Что у нас лет пять тому назад понималось под стихиками в гейневском роде. «Ручей мирно журчит; но я смущен, — я воспоминаю речи изменницы милой». Или: «Облака несутся по небу; я смогрю на них и думаю, что это не облака, а душа моей милой»; или еще: «Мы сидели с милой и нежно разговаривали, а на крыше мяукали кошки». Это называлось подражаниями Гейне» (I, 366).

Добролюбов, таким образом, считает ошибочным воспринимать и толковать Гейне как создателя сугубо-интимной лирики. Он пронизательно отмечает, что эта часть литературного наследия не может дать представления об истинном характере и ос-

новой ценности поэзии Гейне. «Только в недавнее время, — пишет критик, — стали мы знакомиться с *истинным* (подчеркнуто мною. — В. О.) характером Гейне, недавно переведены у нас некоторые из лучших, более *серьезных* (подчеркнуто мною. — В. О.) его произведений, и нет сомнения, что хороший перевод хороших вещей Гейне всегда будет иметь значение в нашей литературе и обратит на себя внимание публики» (I, 366). Пользуясь «эзоповским» языком, Добролюбов подчеркивает здесь значение революционной, общественно-политической («серьезной») поэзии Гейне. Разговор о достоинствах перевода в условиях жестокой полицейской цензуры, в которых приходилось выступать Добролюбову, был лишь своеобразным завуалированным поводом для глубоких суждений о характере творчества немецкого поэта.

Могут показаться противоречивыми мысли Добролюбова относительно отбора стихов в сборнике М. Л. Михайлова. «Что касается до выбора стихотворений, — пишет вначале Добролюбов, — он довольно разнообразен и очень удачен» (I, 367). А несколько ниже критик упрекает Михайлова в том, что он на материале переводов, как и в своем коротком вступительном очерке жизни немецкого поэта, предпосланном сборнику, недостаточно показал Гейне — барабанщика «воинствующего легиона молодых деятелей юной Германии» (I, 367). Надо полагать, что первая мысль высказана критиком для того, чтобы замаскировать мысль вторую и тем самым обеспечить ей, так сказать, права гражданства.

Добролюбов является нам в этой короткой статье-рецензии замечательным популяризатором революционной поэзии Гейне. Под видом критики «неполноты» сборника Михайлова он приводит в качестве подтверждения мысли переводчика (из его же предисловия к книге) о том, что Гейне был барабанщиком революции, стихотворение последнего «Теория» («Доктрина»):

Стучи в барабан и тревогой
Уснувших от сна пробуди.
Вот смысл глубочайший искусства!
А сам маршируй впереди.
Вот Гегель, вот книжная мудрость,
Вот смысл философских начал.
Давно я постиг эти тайны,
Давно барабанщиком стал (I, 367). 21)

²¹⁾ Добролюбов цитирует (неточно) перевод А. Н. Плещеева (см. его «Стихотворения». Спб., 1846, стр. 52). Как отмечалось критикой, М. К. Лемке (Первое полное собр. соч. Н. А. Добролюбова в 4-х томах, т. I, стр. 968) ошибочно считал эти строки переводом самого Добролюбова. Эта ошибка повторена в примечаниях В. Дорофеева к «Собранию сочинений» Добролюбова в 3-х томах, т. III, М., 1952, стр. 656, хотя в примечаниях (В. А. Путинцева) к I тому того же издания (М., 1950, стр. 714—715) перевод отнесен Плещееву, но комментатор несостоятелен в своей ссылке на издание «Стихотворений» 1898 года, которое, конечно, не могло быть известно Добролюбову.

«Это стихотворение,—замечает критик,—не мешало бы привести в статейке о Гейне: тогда характеристика его с этой стороны была бы полнее и яснее для читателей» (I, 367).

Впрочем, и в этот период Гейне-лирик с неослабной силой продолжает интересоваться и волновать Добролюбова. Не случайно он в той же рецензии заметил по поводу предисловия Михайлова, гематически согласованного с содержанием книги переводов: «Взгляд на Гейне, просто как на лирического поэта, вышел у г. Михайлова очень хорош» (I, 367). А в рецензии на «Стихотворения Михаила Розенгейма», относящейся к концу 1858 года, Добролюбов еще более отчетливо, чем в отзыве на сборник Михайлова, видит в Гейне образцового поэта лирического жанра, считая его стихи своеобразным мерилom подлинной поэзии. Он так блестяще противопоставляет исполненные высокого целомудренного чувства стихотворения о любви (даже о любви!) Гейне вульгарной эротике Розенгейма, стихи которого представляют «не совсем ароматное пойло, настоящее на гное общественных ран и на гнилой клубничке...» (VI, 23). В качестве примера истинной, высокой и чистой поэзии Добролюбов цитирует здесь вторую строфу стихотворения Гейне «Ночью в каюте» («Северное море». Цикл первый, 7):

Огромны и море и небо,
Но сердце мое — еще больше.
И лучше, чем жемчуг и звезды,
Сияет и светит любовь (VI, 21) ²²⁾

Добролюбов признавал за Гейне «талант необыкновенно сильный» и отмечал, что поэт умел находить в теме любви «беспрестанно новые предметы для хороших песен» (I, 349).

Гуманность, глубокая человечность, чистота чувств—вот что более всего привлекает Добролюбова в лирической поэзии Гейне, вот что делает, в его глазах, стихи немецкого поэта образцом, достойным подражания. В упоминавшейся статье «Песни Беранже» Добролюбов, полемизируя с теми, кто ханжески обвинял Беранже в фривольности, отмечает характерную черту, присущую его поэзии и проявляющуюся, «кроме Беранже, еще в некоторых стихотворениях Гейне». Это—«уважение к свободе выбора в женщине и вполне гуманное признание того, как нелепы и бессовестны всякого рода принудительные меры в отношении к женскому сердцу» (I, 468). И далее, как пример «истинной поэзии» в этом смысле, критик цитирует в собственном переводе две «Гусарские песни Гейне, толкуя их, несомненно, под влиянием столь актуального для России 1850-х годов вопроса о жен-

²²⁾ В тексте Добролюбова отрывок стихотворения цитируется (правда, с незначительной неточностью) в оригинале; мы приводим его в переводе П. Карпа (Генрих Гейне. Собр. соч. в 10-ти томах. т. I, М., Гослитиздат, 1956, стр. 156).

ской эмансипации, как «вполне гуманное произведение» прав сердца.

Но, продолжая восторженно отзываться о лирической поэзии Гейне, Добролюбов, как уже было отмечено, придает основное значение революционной направленности его творчества. Для Добролюбова Гейне—вождь новой немецкой литературы. И естественно, что он рассматривает его в непосредственной связи с течением «Молодой Германии», отражавшим подъем национального буржуазно-демократического движения на родине поэта. Он ставит его во главе «молодых деятелей юной Германии» (рецензия на «Песни Гейне» в переводе М.Л. Михайлова), хотя Гейне, как известно, будучи значительно радикальнее младогерманцев, фактически не принадлежал к этой литературной группировке. В глазах Добролюбова, их роднит протест против феодально-юнкерской Германии.

Еще более определенно о революционном, общественно-политическом значении творчества Гейне Добролюбов высказывается в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы». Он называет его имя среди других «высших гениев поэзии» (Шекспира, Байрона, Беранже), творчество которых поднималось над узко-корыстными интересами господствующих классов и вдохновлялось великой любовью к трудовому человечеству. «Злобными сарказмами метил недавно торжествующим партиям за германский народ Генрих Гейне, полагавший весь смысл искусства и философии в том, чтобы пробуждать от сна задремавшие силы народа» (I, 213).

Добролюбов исторически достоверно раскрыл объективный смысл и назначение поэзии Гейне, заключавшиеся в том, чтобы воспитать национальное самосознание немецкого народа, пробудить его от спячки к политической активности, к осознанию необходимости демократической революции для Германии. В этом отношении взгляды Добролюбова совпадали с определенным значением творчества Гейне, данным Марксом и Энгельсом.

Если попытаться систематизировать многочисленные высказывания Добролюбова о Гейне, неоднократные обращения к его имени и произведениям, то можно наметить несколько групп, хотя такое деление, естественно, явится в значительной степени условным: порою в одном высказывании совмещается несколько аспектов суждений критика о немецком поэте.

К первой, менее значительной группе, относятся беглые упоминания, пришедшиеся, так сказать, «к слову» при доказательстве того или иного положения, не имеющего непосредственной связи с оценкой творчества самого Гейне, но ценные с точки зрения статистики, как свидетельство постоянного интереса

Добролюбова к Гейне (например, в статьях «Народные русские сказки», ²³⁾ «Шекспир в переводе г. Фета» ²⁴⁾ и др.).

Наиболее многочисленную группу составляют те высказывания, в которых дается оценка творчества Гейне в целом, отдельных его сторон или черт. Порою эти высказывания весьма кратки, но очень содержательны и обнаруживают глубокое проникновение в самую суть поэзии Гейне, ²⁵⁾ понимание ее идейной направленности и художественной специфики.

Из анализированных выше высказываний (в рецензии на переводы Михайлова и др.) совершенно очевидно, что Добролюбов прежде всего старательно и решительно отмечает мысль о Гейне, как о «чистом лирике», мысль, насаждавшуюся представителями той критики, которая была враждебна революционно-демократической эстетике. В рецензии на «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта» Добролюбов, в мечтах о поэте, который «поставит свою поэзию в уровень с живою действительностью», подчеркивает, касаясь Гейне, что сущность его поэзии не в том, отнюдь, чтобы «сказать с рифмами какую-нибудь бессвязицу о тоске, любви и ветре» (II, 594). (Именно так определяли характер стихотворных «попыток в гейневском роде» подражавшие ему «тогдашние стихотворцы», отмечает Добролюбов). Таким образом, перенося вопрос в плоскость русской литературы, Добролюбов косвенно опять акцентирует ценность общественного содержания поэзии Гейне.

А в статье «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных» имя Гейне названо в числе других великих классиков мировой литературы, творчество которых имело «самое ближайшее отношение к обществу» (I, 442).

Именно эта мысль об общественном, злободневном содержании гейневской поэзии, столь актуальная в плане русской действительности, является, пожалуй, самой яркой в высказываниях Добролюбова о Гейне. Не случайно критик дважды цитирует одно из любимых шестидесятниками стихотворений Гейне— «Доктрина», в котором с особой силой выражен бунтарский дух его поэзии, неразрывно связанной с жизнью: первый раз — две последних строфы, в статье «Песни Гейне» (см. выше) и второй раз на немецком языке—первую строку («Бей в барабан и не бойся...») (II, 206) — в качестве эпитафии к статье «Когда же придет настоящий день?».

Известно, что эпитафия из Гейне, звучавший как революционный призыв, был вычеркнут цензурой или под ее давлением — самим Добролюбовым из первоначальной редакции статьи и ог-

²³⁾ См. Соч., т. 1, стр. 430.

²⁴⁾ См. там же, т. 2, стр. 643.

²⁵⁾ О прозаических произведениях Гейне Добролюбов почти не упоминает. По-видимому, это объясняется их меньшей распространенностью в России.

сутствует в журнальном тексте («Современник», 1860, № 3). В 1862 г., издавая собрание сочинений своего друга и единомышленника, Н. Г. Чернышевский выправил цензурные извращения и купюры в статье о «Накануне»; тогда и появился впервые в печатном тексте указанный эпиграф.

Глубоко знаменательно, что в пору, когда Добролюбов писал свою статью о тургеневском романе, буквально в те же самые дни, в первой половине февраля 1860 г. Чернышевский послал Герцену в Лондон свое знаменитое «Письмо из провинции», которое было опубликовано в «Колоколе» от 1 марта 1860 г. (лист 64-й). Революционная прокламация Чернышевского перекликалась со статьей Добролюбова. «Пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, — заканчивал Чернышевский письмо к Герцену, — а звонит набат. К топору зовите Русь». «Бей в барабан и не бойся» — повторял за ним революционный призыв Добролюбов в эпиграфе, которым словно лозунгом открывалась его статья «Когда же придет настоящий день?».

Таким образом, в последовательной борьбе Добролюбова за идейно-насыщенную литературу, ее общественное служение, против эстетского лозунга «чистого искусства» оценка творчества Гейне, как и других явлений зарубежной литературы, занимала свое определенное и важное место.

Добролюбов один из первых в русской критике с предельной четкостью определил также и другую чрезвычайно важную особенность поэзии Гейне — неразрывность ее идейной и эмоциональной сущности, органическое единство любовно-лирической, или романтической, и общественно-сатирической тенденций. Он пишет: «Чувствовать, а не только понимать, мысль Гейне, переводя его, необходимо может быть более, нежели при переводе всякого другого поэта. Мысль является у него чувством, и чувство переходит в думу (подчеркнуто мною. — В. О.) так неуловимо, что посредством холодного анализа нет возможности передать это соединение» (I, 367).

Слова Добролюбова приобретают большое принципиальное значение по двум причинам: во-первых, они показывают неправомерность искусственного расчленения и противопоставления друг другу Гейне-лирика и Гейне-сатирика и обличителя, имевшего место в дворянско-либеральной критике и в переводческой практике; во-вторых, слова эти объективно можно истолковать как выражение протеста против примитивного «биографизма», присущего традиционным толкованиям лирики Гейне, против отождествления реальной личности поэта с героем его стихов. Они заключают в себе глубокую мысль об общественной обусловленности страданий поэта.

И, в самом деле, буржуазные исследователи Гейне много внимания уделяли раскрытию биографических истоков его лирики, хотя сам поэт, как известно, резко возражал против попытки вывести смысл стихов из его личной жизни. Он утверждал,

что стремление истолковать поэзию на основании биографических данных искажает стихотворение, тем более, что, по его словам, «внешняя канва биографии» вообще «мало совпадает с подлинной внутренней биографией», а у него лично «никогда не совпадает». Добролюбов, воспринимавший разные стороны поэзии Гейне как единое целое, неразрывное в своей идейной и эмоциональной сущности, один из первых понял, что «маленькие песни» Гейне родились из «больших страданий» и гораздо более значительны, чем простой рифмованный пересказ любовных горестей.

Гейне раскрыл в своих стихах нечто общезначимое, углубил и обогатил интимную тему. Лирические переживания предстают в его стихах типическими от того, что они уходят своими корнями в объективный мир, — у него личное неразрывно связано с общим, интимные стихи выходят за рамки лирического дневника. Еще прогрессивный писатель Иммерман глубоко заметил, что «песни волнуют гораздо более сильные мотивы, чем любовное несчастье, и изменившая ему девушка, которую поэт так горячо бранит, собственно гсворя, платит за чужие грехи». Любвиная жалоба перерастает в жалобу на несправедливость и неустрашенность окружающего мира, личное разочарование — в неприятие этого мира. Эта мысль об общественной обусловленности интимной темы, о неразрывной связи личной судьбы поэта с жизнью общества глубоко и пронзительно выражена в приведенных выше словах Добролюбова о перерастании гейневского чувства в думу.²⁶⁾

Добролюбов анализирует стихотворения Гейне не только с точки зрения идейного содержания, но и в плане художественной формы. Естественно, что в силу отрывочности и порсю случайности его высказываний о Гейне, эти вопросы не могли получить широкого освещения. Тем не менее они не обойдены критиком, и его суждения в этом плане представляются весьма ценными. Они еще и еще раз красноречиво опровергают демаргические утверждения буржуазных литературоведов (Скабицевского, Овсяннико-Куликовского, Иванова-Разумника и др.), умышленно искажавших облик великого мыслителя и революционера, о том, что критика у Добролюбова — вне литературы, что это, якобы, критика «по поводу».

Тонкое понимание Добролюбовым художественных особенностей стиля поэзии Гейне сказывается, например, в сопоставлении в этом плане его стихов с песнями Беранже: «...У французского поэта, — пишет он, — чувство его выражается с большей легкостью и игривостью, даже — можем сказать — с некоторым легкомыслием и небрежностью, и уже без всякого оттенка грусти, которая так неразлучна с иронией Гейне» (I, 469). Критик

²⁶⁾ Это положение обстоятельно развито в брошюре М. Л. Троицкой «Творчество Гейне». Л., 1956, стр. 8—10.

отмечает большую эмоциональную силу стихов поэта, которые «так грустно, болезненно отзываются в сердце» (I, 300).

Особенно отчетливо интерес Добролюбова к поэгическому стилю проявляется в его рецензиях на сборники переводов гейневских стихов, о чем речь будет ниже. Самая резкость этих рецензий свидетельствует о его глубокой заинтересованности в проблемах художественной формы.

К третьей группе обращений Добролюбова к Гейне относятся цитаты, выдержки из его произведений, которыми критик умело пользуется для разоблачения своих идейных противников, особенно в области эстетики, где, как известно, разворачивались в ту пору особенно ожесточенные бои между революционно-демократическим и либерально-дворянским лагерями.

В той идеологической борьбе, в которой, по словам Чернышевского, «эстетические вопросы были ...по преимуществу только полем битвы, а предметом борьбы было влияние вообще на умственную жизнь»,²⁷⁾ оценка творчества Гейне Добролюбовым и другими революционными демократами, при всем ее огромном самостоятельном значении, в значительной степени играла все же подчиненную роль. Наряду с глубоким и объективным анализом творчества Гейне, Добролюбов в своих отзывах о нем, как уже было отмечено, почти всегда поднимал вопросы, важные и актуальные для русской общественной и литературной жизни его времени. На материале гейневских произведений критик стремился разрешить проблемы, волновавшие его современников и соотечественников. В этом смысле слова Чернышевского, что он пишет свою статью о Лессинге «с приноравливаниями к нашим домашним обстоятельствам»,²⁸⁾ могут с полным правом быть отнесены и к большинству высказываний Добролюбова о Гейне.

Обратимся к примерам. В статье о «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина критик резко выступил против «эстетической теории» в искусстве, за материалистическое его толкование, за тесную связь искусства с общественной жизнью. Остроумно и едко высмеивая «эстетически обученные талантливые натуры», выступавшие против того, чтобы литература «унижала» себя, «опускаясь из светлых высот фантазии в омут грязной действительности» (I, 198),—Добролюбов вербует Гейне в качестве своего союзника для борьбы против них. Громя этих представителей «чистого искусства», увлекающихся «описанием ...журчання ручейков и изложением отношений дола к пригорку», он уподобляет их «тому немецкому профессору (подумайте—профессору! немецкому!), который у Гейне:

²⁷⁾ Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, стр. 25.

²⁸⁾ Чернышевский Н. Г. Письмо к Н. А. Некрасову от 24 сентября 1856 г. Полн. собр. соч., т. 14. М., 1949, стр. 313.

Шлафрок надевши и спальный колпак,
Он штопает дырки всего мироздания» (I, 199). 29)

Второй раз Добролюбов использует этот выразительный сатирический образ ограниченного немецкого обывателя в «Письме из провинции» — одной из заметок «Свистка» (№ 2): здесь он сравнивает с ним по «умозрительству» и «неведению действительной жизни» журнальных и газетных редакторов, а также литераторов «не от мира сего», оторванных от действительности, не знающих жизни и судящих о ней из кабинета. 30)

В статье-рецензии «Стихотворения А. Н. Плещеева» Добролюбов вновь ссылается на Гейне как на союзника в борьбе против беспочвенного романтизма и мечтательства в литературе. Упрекая Плещеева в этих настроениях, которыми проникнута его книжка стихотворений, он заканчивает свою рецензию вопросом-переводом из Гейне:

Что тебе надо, безумец,
С глупой мечтою твоей? (I, 461) 31)

Рассмотрение вопроса о борьбе Добролюбова за идейно-насыщенную литературу, ее связь с действительностью, против эстетского лозунга «чистого искусства» — борьбе, в которой он нередко опирается на Гейне, — отнюдь не является схоластичным, а необходимо обретает творчески действенный характер, связано непосредственно с задачами нашей современности.

Борьба за подлинного Гейне, за научное освещение его жизни и творчества, а также за полноценные, высокохудожественные переводы его произведений составляет содержание четвертой группы высказываний Добролюбова о немецком поэте.

Критик прежде всего яростно ополчается против опошления самой личности Гейне буржуазными литературоведами. Так, в рецензии на «Стихотворения из Гейне» в переводе И. Семенова (Генслера) он квалифицирует как явно кощунственное явление «копание» в сугубо интимных фактах биографии поэта. С оттенком явной издевки говорит Добролюбов об упоминаемой Мейснером в его воспоминаниях «пагубной страсти» Гейне к женщинам и о примечании И. Семенова, поместившего эти воспоминания в своей книге переводов, о том, что «страсть эта пагубно действовала на поэта... более в духовном, нежели в материаль-

29) Слова Гейне — из стихотворения «Уж слишком отрывочны жизнь и вселенная» (цикл «Возвращение на родину», 58) — цитируются (неточно) Добролюбовым в оригинале; мы даем их в русском переводе В. Костомарова (цитир. по книге: Г. Гейне. Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1950, стр. 85).

30) См.: Соч., т. 6, стр. 59.

31) Цитировано неточно; у Плещеева:

Что тебе нужно, безумец,
С глупой мечтою своей?

(См. его «Стихотворения», Спб., 1858, стр. 101).

ном отношении, т. е. более качественно, нежели количественно» (I, 335; курсив Н. А. Добролюбова).

Критик восстает против этой крохоборческой скрупулезности, которая должна засвидетельствовать, как он с иронией пишет, «обширную ученость» комментатора, но которая решительно ничего, по его мнению, не прибавляет к характеристике творческого облика художника, а лишь вольно или невольно дискредитирует его личность, отвлекая внимание читателя в сторону от главного—от правильного, объективного восприятия художественного наследия поэта. Какое глубокое историко-литературное чутье обнаруживает здесь Добролюбов, какую благородную заботу проявляет он о лучших представителях мирового художественного творчества, ограждая их от фальсификаторских тенденций реакционного буржуазного литературоведения и борясь за неискаженное доведение их творчества до широких читательских масс!

Объектом ожесточенных споров в русской критике, как и в литературе на Западе, были весьма сложные взаимоотношения Гейне и Бёрне. Не говоря уже о реакционной критике, видевшей и в этом случае повод к нападкам против Гейне, даже не всем представителям революционно-демократического лагеря был ясен подлинный смысл борьбы Гейне с ограниченностью и догматической узостью немецких мелкобуржуазных радикалов, к которым принадлежал и Бёрне. Более того, некоторые из них (например, В. Зайцев) в оценке известного памфлета Гейне «Людвиг Бёрне» поддерживали общераспространенные в Германии обвинения Гейне в ренегатстве, предъявлявшиеся к нему как справа, так и слева.³²⁾ Даже Герцен неодобрительно отозвался о гейневской книге, видя в ней прежде всего проявление личной вражды.³³⁾

Лишь Добролюбов один из первых в России дал исторически правильную оценку книге Гейне. Это видно из того контекста, в котором он о ней упоминает. Говоря о пользе всех видов осмеяния отрицательных явлений, хотя бы это было куплено ценой потери репутации памфлетиста, Добролюбов в виде иллюстрации своей мысли ссылается на Аристофана, который «немало нажил себе хлопот даже в потомстве», и «в новейшее время»—на пример Гейне (критик намекает на его памфлет о Бёрне).³⁴⁾ Не касаясь личных выпадов Гейне против Бёрне, Добролюбов справедливо заостряет внимание на объективном значении книги, видя в ней произведение революционной публицистики.

³²⁾ См. Зайцев В. А. Гейне и Бёрне. Изб. соч., т. 1, 1934, стр. 110—137.

³³⁾ См. Герцен А. И. Соч. В 9-ти томах, т. 7. М., Гослитиздат, 1958, стр. 255.

³⁴⁾ См. Рец. на «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта 1860». Соч., т. 2, стр. 595.

Именно так расценил гейневский памфлет К. Маркс. В 1846 году, уже в период знакомства с поэтом, он писал ему: «Вряд ли в какой-либо литературный период книга встречала более тупоумный прием, чем тот, какой оказали Вашей книге христианско-германские ослы, а между тем ни в каком периоде немецкой литературы не ощущалось недостатка в тупоумии». ³⁵⁾

Борьба «за Гейне» еще более широко, чем в приведенных выше отзывах, развернута Добролюбовым в его рецензии на «Очерк истории немецкой литературы», составленный О. Шталем. С особым возмущением отзывается здесь критик о «голословных ругательствах», которыми этот автор грубого пасквиля на всю прогрессивную немецкую литературу осыпает Гейне. Добролюбов приводит выдержку из текста книги Штала, выделяя курсивом те определения автора, которые кажутся ему особенно нелепыми: «Людвиг Бёрне,—цитирует критик,—и'Ейнрих 'Ейне... оба еврейского происхождения и уже по этому одному не могли — ни искренно уважать христианскую веру, ни, как всегда бывает у этого народа, питать истинной любви к отечеству... 'Ейне не без основания обвиняют в бесхарактерности и легкомыслии. Он не стыдился издеваться над самым святым; рисуясь пред светом своей мировой печалью, он на самом деле едва ли был способен чувствовать истинную печаль. Излив свою тоску, он чрез минуту подсмеивается над ней; почти все его произведения обнаруживают отсутствие твердых нравственных убеждений» и пр.» (IV, 327).

Курсив Добролюбова показывает в первом случае его отрицательное отношение к реакционной фальсифицирующей трактовке буржуазными учеными Гейне как поэта-антипатриота. Во втором случае довольно отчетливо сказалось представление Добролюбова о характере поэзии Гейне, как о поэзии, проникнутой глубокой печалью за судьбы родины и человечества. Критик враждебно относится к демагогическим обвинениям Гейне во всеобщем нигилизме, которые столь часто раздавались из реакционного лагеря (Ап. Григорьев, Дружинин и др.) и использовались как средство для прикрытия злобных нападок против поэта революционной демократии, каким был Г. Гейне. И, наконец, в третьем случае курсив отражает возмущение Добролюбова огульным охаиванием и шельмованием поэта, которому реакционное литературоведение ставит в вину отсутствие у него твердых мировоззренческих позиций.

Вопрос об убеждениях Гейне и тесно связанный с ним вопрос о его патриотизме также был в России объектом столкновения различных взглядов. А на родине поэта вся оголтелая реакция—начиная от Менцеля, которого в свое время резко осмеял Белинский, и кончая фашистами — клеймила Гейне

³⁵⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XXV, стр. 11.

названием антипатриота. Вот почему выступление в этом плане Добролюбова, развившего на новом этапе взгляды, ранее уже высказанные Белинским,³⁶⁾ имело чрезвычайно важное значение: оно представляло собой не только объективную защиту Гейне, но звучало и как протест против «официальной народности», столь актуальный в условиях русской действительности.

Предметом особой заботы и постоянного внимания Добролюбова были переводы произведений Гейне на русский язык. Его статьи-рецензии на переводы И. Генслера-Семенова и М. Л. Михайлова, несмотря на их краткость, представляют собой блестящий образец революционного публицистического мастерства Добролюбова, как пропагандиста лучших достижений зарубежной литературы. Поистине достойна восхищения неустанная популяризаторско-просветительская работа критика, его горячая заинтересованность в ознакомлении русского читателя с произведениями прогрессивных писателей Запада, его неустанная борьба за совершенные высокохудожественные переводы иностранных авторов, в числе которых на одном из первых мест стоял Г. Гейне.

Конечно, оценка формального мастерства переводов у Добролюбова неизменно связывалась с вопросами идейного порядка, и порой разговор о достоинствах перевода был лишь своеобразной ширмой, прикрываясь которой (из-за цензурных условий) критик развертывал свой глубокий и боевой анализ идейного содержания творчества интересующего его автора, раскрывая его значение для читателя. В этом смысле статьи-рецензии Добролюбова являлись образцом его критико-публицистического мастерства, его умения «через препоны и рогатки цензуры» проводить революционные идеи.

Но и проблема техники перевода, его поэтического языка и художественно-стилистических особенностей постоянно интересовала Добролюбова и имела для него первостепенное значение, ибо от качества перевода зависела и степень революционно-воспитательного воздействия произведений зарубежных авторов на широкие массы читателей.

Характерной особенностью переводов 60-х годов является установка на доступность массовому читателю. Передовая критика подходила к переводу с определенным критерием оценки: он должен быть эстетически адекватен оригиналу, должен заметить оригинал, с которым читатель незнаком.

Именно этим определяется непримиримо резкий отзыв Добролюбова о сборниках переводов И. Генслера-Семенова, которые не удовлетворяли этим требованиям.

В первой рецензии, опубликованной в журнале «Современник» (кн. XI за 1857 г.), критик, анализируя перевод «Сновиде-

³⁶⁾ См. Белинский В. Г. Письмо к В. П. Боткину от 16 января 1841 г. Полн. собр. соч., т. XII. М., АН СССР, 1956, стр. 17.

ний» Гейне, называет его прямым злодеянием, так как И. Генслер-Семенов искажил смысл оригинала и убил «всякую поэзию». Мастерство перевода настолько несовершенно,—отмечает Добролюбов,—что чтение стихов часто возбуждает смех; «но чаще всего оно ничего не возбуждает». С чувством глубокой благоговейной любви отзываясь о лирике Гейне, о его «Сновидениях», Добролюбов с нескрываемой досадой и возмущением против бесталанного «версификатора» говорит о том, что его перевод не вызывает ни одного из тех ощущений, которые так часто возбуждаются подлинными стихами поэта.³⁷⁾ И далее критик разъясняет причину провала переводчика: это—незнание языка и отсутствие поэтического дара: «О г. Генслере никак нельзя сказать, чтобы он был хорошим версификатором. Безобразие его стиха превосходит всякое вероятие» (I, 300).

В более развернутом виде эта мысль развита во второй рецензии — на «Стихотворения из Гейне», опубликованной во второй книжке «Современника» за 1858 г. Добролюбов подвергает критике прежде всего структуру книги: из 230 страниц 120 занято в ней переводом воспоминаний Мейснера о Гейне, не представляющих никакой научной ценности; но и остающиеся страницы заняты слабыми переводами, опошляющими творчество великого немецкого поэта. Критик называет эту книгу «повапленным гробом», заключающим в себе «только мертвые кости поэзии Гейне» (I, 334). Как первую, так и вторую рецензию Добролюбов иллюстрирует «образцами» генслеровских переводов из анализируемых сборников.

Страстная и последовательная борьба за высокохудожественные переводы Гейне—переводы, которые раскрыли бы перед русским читателем все богатство идейного содержания и красоту поэтической формы его стихов, — составляет главную мысль анализированной выше и третьей рецензии—на «Песни Гейне» в переводе М. Л. Михайлова, опубликованной в пятой книжке «Современника» за 1858 г.

Переводы Михайлова, явившиеся заметным явлением в литературной жизни того времени и вызвавшие оживленное обсуждение, Добролюбов особенно горячо приветствовал, отмечая как их высокие технические достоинства, так и подлинное понимание истинного характера поэзии Генриха Гейне.

В начале статьи критик отмечает, что до сих пор Гейне был известен русскому читателю по плохим переводам, главным образом, Генслера-Семенова, которые многим повредили немецкому поэту и «стали надоедать публике». «Долгое время,—пишет он,—Гейне терпел гонения от наших переводчиков и действительно уподоблялся «трепетному оленю», за которым скачут охотники,—как является он в прекрасном стихотворении г. Майкова, известном нашим читателям:

³⁷⁾ См., Соч., т. 1, стр. 300.

Давно его мелькает тень
В садах поэзии родимой.
Как в роще трепетный олень
Врагом невидимым гонимый!

Эти враги и суть переводчики» (I, 366), — иронически разъясняет Добролюбов. И дело, по мнению критика, не только в одностороннем отборе стихотворений Гейне для перевода, имевшем место в большинстве тогдашних изданий и дававшем исторически неверное представление о системе такого поэта, как Гейне, а и в качестве самих переводов. Много нареканий они вызывали из-за тяжеловесности стиха, затрудненности синтаксиса, калькировавшего иностранные образцы, нерусских оборотов речи, недостаточного владения языком оригинала. Добролюбов, например, указывает, что некий переводчик доходит до того, что смешивает одинаково звучащие в немецком языке слова и вместо *любви переводит тело* (I, 366).

Работу Михайлова Добролюбов квалифицирует как первую, по существу, литературную попытку «издания Гейне в русском переводе» (I, 366) и выражает переводчику свою благодарность за это издание. Критик ставит в заслугу Михайлову прежде всего «способность чувствовать поэзию Гейне», и поэтому ему лучше всех других удалось передать силу впечатления, оставляемого в читателе стихами поэта. Достигается это, по мнению Добролюбова, тем, что Михайлов «не переделывает Гейне, не подбавляет своих чувств и понятий к его чувствам и понятиям» (I, 367). Критик правильно отметил присущую переводам Михайлова не только смысловую, но и эмоционально-стилистическую близость к подлиннику.

Высокие требования, предъявляемые Добролюбовым к художественным переводам иностранных писателей на русский язык, не утратили своего актуального значения и в наши дни.

Высказывания Н. А. Добролюбова о Генрихе Гейне, как и в целом о зарубежной литературе, лишены и тени бесстрастия и «объективизма». Они проникнуты глубоким чувством патриотизма. Настойчиво отстаивая необходимость широкой популяризации и критического освоения лучших достижений мировой культуры всех времен и народов, он вместе с тем выступал против «пустого, рабского, слепого подражания» иностранным образцам, борясь за национальную самобытность русской литературы. В этом плане весьма характерны критические отзывы Добролюбова о программах по литературе, на основе которых велось преподавание в тогдашних учебных заведениях. Одним из существенных недостатков этих программ критик считает чрезмерное увлечение «подражаниями» и «влияниями» в трактовке творчества русских писателей, что ведет к принижению их самобытности и оригинальности.

«Не очень весело,—пишет Добролюбов,—в программе истории русской литературы читать такие, например, параграфы «Лермонтов: подражание Жуковскому и Пушкину, достоинства подражаний; переводы из Байрона, Гёте, Гейне, влияние Барбы»³⁸⁾ Отличительный характер поэзии Лермонтова.»³⁹⁾

Отзывы Добролюбова о Гейне представляют большой интерес для литературоведческой науки и являются одной из ярких страниц в истории русской критической мысли, в развитии русско-зарубежных литературных связей. Советское литературоведение плодотворно использует традиции революционных демократов в оценке, популяризации и критическом освоении зарубежного художественного наследия

³⁸⁾ Барбье — В. О

³⁹⁾ Рецензия на «Речи и отчет Московской практической академии Коммерческих наук 17 декабря 1859 года, Москва, 1859 г.» Соч., т. 4, стр. 423.